

Дети великой беды

ОТКЛИК ЧИТАТЕЛЯ

В номере вашей газеты от 19 декабря 2006 года я прочитал публикацию Герберта Кемоклидзе, посвященную 90-летию нашего земляка, покойного поэта Николая Михайловича Якушева и надолго остался в воспоминаниях об этом человеке. Воспоминаний в равной мере красивых и печальных, горьких и радостных, неодолимо зовущих в уже отшумевшее и тихо все дальше отступающее время.

...В том времени и светлые надежды, и открытые строки, и необычные встречи. В нем и воспоминание о белой рубашке Хрущева, и наивная вера в обретение правильного пути, и смелые мечты о совсем близком и, конечно, великом российском будущем. Там прокуренные комнаты «Волжских зорь», мышкинской районки, и до хрипоты споры о литературе и... громкий веселый голос Николая Якушева. Он приезжал сюда к верному другу, поэту Владимиру Ковалеву, тоже прошедшему крестный путь каторжанина на «чудной планете» Колыме.

Как-то само собой собиралось все поэтическое общество Мышкина, даже приезжал из села Шипилова учитель С. А. Сальников, писавший простые и хорошие стихи; приходили начинающие и совсем юные. И над этим сообществом, над этой официально не оформленной литературной группой звучали стихи поэтов 20 – 30-х годов... Тех молодых, вселявших большие надежды (и успевших проблистать!) и безвестно погасших в тюрьмах и ссылках.

Напрямую говорилось не так уж и много, всего повидавшие друзья молчать умели. Да и не хотели «исповедаться» перед теми, кто не был за чертой обычной жизни. А стихам – отдавались всем сердцем!

Своей судьбы поэты не касались, с печальной осторожностью обходя те годы либо ссылками на общеизвестное, либо опять же стихами. Лишь раз, когда в нашем кругу случайно оказался молодой военный, начинающий поэт, просивший у Ковалева и Якушева доброго отзыва о своем творчестве, молчать они не пожелали. Подполковник неосторожно спросил Ковалева: «Владимир Дмитриевич, на ка-

Ярославские литераторы на Некрасовском празднике поэзии в Карабихе. Лето 1981 г. Слева направо: Алексей Ситский, Владимир Ковалев, Николай Якушев, Вячеслав Рымашевский.

ком фронте вы действовали в годы войны?»

Воцарилась тишина и, скупо улыбувшись, поэт ответил со сдержанным вызовом: «На Калымском. В те годы я был врагом народа». И Якушев тоже улыбнулся со сдержанной суровостью: «Там мы и «отвоевали». Иных фронтов нам не досталось...»

Но на всех остальных встречах было по-иному. Там царствовали стихи. А мы, совсем молодые, только еще робко пробовавшие свои перья, уже умели не задавать лишних вопросов. И о «колымских впечатлениях» писателей старались узнать не из их слов, а из их строк. Но и это тоже было не-

простым делом – что-либо найти о той большой, всех нас тревожившей теме. Так в первом сборнике Ковалева «Небо остается синим» (1961 г.) эта тема лишь раз глуховато отозвалась давней болью. Это две строки в стихотворении «Топограф»:

*...про выси сибирских отрогов,
что снились мне тысячи раз...*

Мне! Хотя все стихотворение до этого места шло совсем не от первого лица. «Мне», «тысячи раз» – поймешь, что имелось в виду.

Даже в следующем сборнике «Спешит творить добро» (1966 г.) эта тема прошла только один раз. И то – словно стороной якобы вовсе не о каторге и ссылке, а скорей о некой геологоразведке:

*...Я в жизни столько исходил
дорог!
Спал на снегу,
В колымских топяк мок,
На нары падал, скошенный кру-
позкой...*

Вроде, как бы суровая романтика первопроходцев, но

«нары»-то явно не из геологических палаток и топи-то – «колымские»... Почитай тот подполковник повнимательней стихи тех, к кому собирался за рекомендациями в Союз писателей, он сам бы все понял, без лишних больных вопросов.

...В тогдашнем литературном и газетном мире Яросла-

в объяснит и все оправдает.

Трагическая тема «планеты Колыма» у Ковалева прорвалась только в 1972 году, в сборнике с непостоянным названием «Взрывчатая тишина». Стихов о горестном времени сибирских страданий там насчитывалось немного, но они были главными. И уже самое первое из них давало заповедь:

*...Я бродил с нивелиром по мшистым
распадам,
руки грел над ночным захудалым
огнем,
привыкая к палаткам, к лесным
распорядкам...
Не за счастьем гонялся – за будущим
днем.*

Стихи о той эпохе судьбы поэта горели и светились среди других «производственных» и «колхозных» особым огнем и звучали со своей красивой и горькой интонацией.

*...За Берелёхом и Кулой,
чей быстрый бег не
остановишь давно присыпаны золой
костры разведочных становищ.
И навсегда пропали с глаз –
ушли,
а может, стали прахом,
друзья, с которыми не раз
курил над пенным Ат-Уряхом.
Теперь остались города
и заполярные поселки,
что возникали в те года
среди снегов и дебрей колких.
Лишь память
честно сохранит,
да сбережет друзей навеки,
с кем
аммоналом рвал гранит
в шурфе разведочном
и в штреке...*

Об этих стихах мы много говорили. Гитарист и поэт Саша Красев (и тоже колымчанин) настраивал гитару, повторяя первые строки: «За Берелёхом и Кулой, чем быстрый бег не остановишь...» и, улыбаясь, говорил Ковалеву: «Дмитрич, а ведь это на песню идет!» Но Ковалев с печальной иронией отозвался: «Невеселая вышла бы песня...»

А главное стихотворение этого нигде особого не выделяемого цикла (но явно – цикла!) вставало надо всеми остальными едва ли не эпически:

*Двадцать лет
от зимы до зимы
возвращаюсь домой с Колымы.
Вижу в северном небе звезду,
До моей ли ей крохотной боли?!
И боюсь – не дойду,
упаду
в сумасшедшем завихренном поле.
Померзнут худые пимы,
прикипают к речному припаю.
...Покурю,
и опять засыпаю.
И шагаю домой с Колымы.
А в кармане махра да чесноком
да поземка струится у ног,
тень от солнца студеного
следом.
...Мать бормочет:
«не мучь себя бредом,
потеплее укройся, сынок!»
Серпик месяца
светит из тьмы,
серебрит на окошке узоры.
Кот мурлычет,
Рассвет уже скоро...
Я шагаю домой с Колымы.*

Мы все, кто знал и любил Ковалева, поздравляли друг друга с этими стихами, как с праздником: «Вон он, долгожданный прорыв! Вот настоящие стихи Ковалева! Это – настоящее и это – сильное!» И позвонил Николай Михайлович Якушев: «Володя! Прочитал твои колымские стихи! Здорово... По-настоящему сделано. Этим творческим направлением еще будет идти?»

Но задумчивый, отнюдь не по-всегдашнему сдержанный, тот невесело ответил: «Не знаю, Коля... Наверно, нет. От этих-то душа изболела...»

И во всех остальных его книгах о теме самой суровой, жутко перепахавшей и его собственную судьбу, и судьбу всей России – ни строчки нового. Только в самом последнем сборнике, в единственном четверостишии единственного стиха прорвалось:

*...Я вспомнил это много позже,
как дважды два сложив в уме,
когда в палатке малость пожил
на Ангаре да Колыме...*

Это стихотворение он назвал «Чувство локтя», а в посвящении значилось: «Николаю Якушеву». Словно в последний раз перекликнулись двое талантливых и несчастных сыновей несчастливой России, сыновей большой революции и сыновей Большой Беды.

Владимир ГРЕЧУХИН.